

УДК 811.134

ИНДЕКСАЛЬНАЯ РЕФЕРЕНЦИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА)

Е. В. Яковлева

Российский
государственный
педагогический
университет
им. А.И. Герцена,
г. Санкт-Петербург
e-mail:
el-vl-yakovleva@yandex.ru

В статье рассматриваются виды индексальной референции в связи с грамматическими свойствами местоимённых слов. Показаны объяснительные возможности метода векторного анализа, разработанного в теории психосистематики Г. Гийома, применительно к референциальным ситуациям. Исследование проводится на материале испанского языка.

Ключевые слова: теория референции, индексальная референция, теория Г. Гийома, векторный анализ.

Индексальная референция представляет один из важнейших типов референции. Изучение этого типа референции находится на начальной стадии развития, поскольку изначально теория референции складывалась на ином материале (см. в этой связи [1, с. 13 – 24]). Вместе с тем, функционирование естественного языка во многом основано на наличии индексальной референции.

В наиболее ярком виде теория знака индекса дана Ч. С. Пирсом [8]. Термин *индексальная референция* является производным от термина *индекс*, введенного Ч. С. Пирсом, и отражающего специфическое понимание местоименных слов в знаковой теории этого лингвиста. Заметим, что, хотя специалисты отмечают некоторую противоречивость теории индекса, основные темы (дейктичность, специфическая референция), сформулированные Ч. С. Пирсом в 1885 г. [16, с. 250], не потеряли актуальности до настоящего периода.

По мнению Ч. С. Пирса индексы обладают следующими свойствами: 1) вторичностью; 2) способностью выражать особые референциальные отношения; 3) единичностью. Вторичность (*individual second*) индекса понимается по-разному: если вторичность связана с существующими отношениями, то индекс истинный, если вторичность связана с процессом референции, то это индекс измененный, как бы переродившийся.

Истинный индекс и соответствующий объект всегда имеют характер единичности, будь то вещи или события. Интерпретанта также носит в таком случае единичный характер [19, с. 60 – 87].

Хотя индексальная референция имеет индивидуальный характер, но отношения знака-индекса и объекта не основаны на сходстве, аналогии или общих свойствах объекта. Референциальные отношения обусловлены тем, что «индекс имеет динамическую связь с соотносимым объектом, включает пространственную координату, с одной стороны, и хранится в памяти говорящего, с другой» [19, с. 92].

Заметим, что такое понимание индексальности перекликается с некоторыми идеями Г. Гийома, выраженными иными терминами. Например, вторичность можно сопоставить с пониманием местоимения «как реплики» другим частям речи. Способность индекса к особой референции в определенной степени обусловлена, по мнению Ч. Пирса, пространственной координатой, у Г. Гийома местоимение, являясь именной частью речи, обнаруживает соотношение с пространством [3].

Индексы, по мнению Пирса, отличаются от других знаков по трем признакам: (1) по своему значению, (2) по тому, как они соотносятся с индивидами, индивидуальными единствами, индивидуальными коллективами и (3) по тому, как они направляют внимание к объекту. На наш взгляд, указанные характеристики определяют основные свойства знака индекса: способностью к созданию референции индивидуального типа, с одной стороны, и квантификации, с другой. При этом важно принять во внимание, что указанные свойства проявляются в том случае, если имеется референциальное

использование местоимения, в тех же положениях, когда отмечается нереперенциальное употребление местоимения, свойства индексов меняется.

Интересны и своеобразны замечания Ч. С. Пирса относительно природы местоименного слова, которое он противопоставляет имени существительному. Местоимение представляет собой индексальный знак, оно способно указывать, в то время как имя, в свою очередь, не обладает этой способностью. В результате наблюдений над местоимениями Ч. С. Пирс приходит к выводу о том, что нельзя утверждать, что местоимение заменяет имя, лучше говорить о том, что имя не способно само по себе указывать на объект» [8, с. 83 – 84].

Эти рассуждения наталкивают на мысль о том, что местоимения, разнообразные по своим семантическим и грамматическим свойствам, все же обладают одним общим свойством – служить для целей референции. Здесь опять прослеживается определенная близость к взглядам Г. Гийома в той части, где французский лингвист сравнивает инцидентность существительного и других частей речи.

Подчеркивая наличие общих черт и подходов у Ч. С. Пирса и Г. Гийома, мы хотим показать, что, несмотря на явные различия теоретических изысканий этих двух великих лингвистов, существует сходство в понимании природы местоименных слов. Тот факт, что во взглядах ученых, принадлежащих к разным школам и давшим начало новым подходам к пониманию основных явлений языка, обнаруживается нечто общее, говорит о том, что выявленные черты (вторичность, специфичность референции и наличие различных ее видов у местоимения) необходимо изучить более детально.

Под индексальной референцией мы понимаем такую референцию, при помощи которой языковое выражение, включающее местоимение, соотносится с некоторым референтом в денотативном пространстве. А. Д. Шмелев, рассматривая именные группы, включающие местоимение, выделяет черты, которые свойственны этому типу референции. «При индексальной референции тип референции предопределен типом местоименного референциального показателя; дескриптивное содержание именной группы вообще отсутствует (как при референции личных местоимений) или же не играет решающей роли для установления референта...» [15, с. 32].

Как известно, теория референция начала складываться как наука под влиянием логики, причем основное внимание уделялось изучению соотношения языкового выражения и референта объективной реальности при учёте соответствия истине. Семантика местоименного слова, значительно зависящая во многих случаях от конкретного контекста произнесения, не давала возможности применить процедуру отождествления с истиной. В связи с этим делались попытки либо исключить подобные элементы из рассмотрения (как это делал, например, Б. Рассел), либо создавать новую методологию (мы видим такое решение у Р. Монтегю, У. В. О. Куайна и др.).

Б. Рассел рассматривает в качестве основного индекса местоимение *это*, используя его для объяснения других (*я, здесь*), и отмечает отсутствие в значении слов с индексальной природой рационального компонента. По мнению автора, использование подобных слов придает нежелательный оттенок рассуждениям, поскольку «всякое истинное познание является скорее рациональным, чем чувственным» [9, с. 127]. При этом важным призналось выявление процедур, позволяющих избавиться от субъективности, причем создание таких процедур представлялось «одной из тех целей ..., которые направляют процесс развития научных понятий» [9, с. 127]. Можно заметить в связи с этим, что направление развития научного познания все же было иным, скорее противоположным, чем близким тому, которое намечал Б. Рассел.

Способ трактовки высказываний, содержащих индексальные выражения, был найден в связи с новым пониманием концепта истины. Первоначально

представлялось, что правильный вывод есть функция исключительно одной истины, в связи с этим оказывалось, что все предложения, включающие индексы и носящие субъективный характер, сложно соотносить с истиной. В работах А. Тарского [13] истина начинает пониматься по-иному, она связывается с характером суждения, соответственно, границы истины расширяются и несколько размываются. Ещё один важный шаг в направлении изучения индексальной референции был сделан в работах Р. Монтегю, в которых появилось понятие возможных миров, при этом были сделаны допущения о том, что (1) истина в каждом из миров может быть своя. При этом (2) мир в целом понимается как совокупность эпистемологических альтернатив (или совокупность возможных миров) [18]. Таким образом, мир вымысла и мир гипотетичный рассматривается как один из возможных миров, обладающий своим понятием истины. Благодаря расширенному пониманию истины стало возможным ввести в фокус рассмотрения предложения естественного языка. Многие специалисты начинают широко использовать и развивать идею возможных миров применительно к различным лингвистическим явлениям. Я. Хинтикка и возглавляемая им школа финских логиков пришла к построению такой новой семантической концепции, в которой в качестве основы рассматриваются языковые высказывания (а не их представление на логическом или каком-либо другом языке). При этом выяснилось, что логический аппарат, необходимый для описания семантики естественного языка оказывается существенно более сложным, чем это предполагалось не только в порождающей семантике, но и в грамматике Монтегю [14, с. 49].

Для настоящей работы важно отметить то, что с помощью усложненных процедур Р. Монтегю описывает предложения, содержащие местоимения (которые, как известно, имеют индексальную природу). Индексы Монтегю могут рассматриваться «как релятивирующее установление конкретных референтов относительно конкретного контекста высказывания» [4, с. 243]. Для правильной интерпретации принципиально важными элементами являются, по крайней мере, две координаты: пространственная и временная, которые в совокупности со спецификой семантики слова-индекса, создают неповторимость конкретного высказывания.

На наш взгляд, возможно применить процедуру выделения многих миров для объяснения целого ряда явлений, связанных с понятием субъективности. Мы видим применение этого принципа к описанию прагматики у Ю.С. Степанова [12 :701-708]. Кроме того, идея множественности миров соотносится с психологическими представлениями о многослойной организации «я» говорящего. «Я» вчерашний и «я» сегодняшний не равны друг другу, они принадлежат различным мирам, и мир вчерашний по многим параметрам может быть оказаться далеким от мира сегодняшнего. «Я», принадлежащее настоящему моменту, представляет собой некоторый слой (или срез) в едином «я», аналогично тому, как «я», соотносящееся с прошлым, может пониматься как нечто иное. Иными словами, единое местоименное слово обнаруживает возможность расслоения в соответствии с различными временными срезами. Таким образом, можно предположить наличие многообразных слоёв в структуре этого местоимения. Наше исследование реального функционирования этого местоимения позволяет говорить о наличии связей между временным, пространственным и моральным аспектами. В связи с этим «я» может приобретать детерминативы, уточняющие его характеристики.

Проведенный нами анализ позволяет говорить о том, что *tú* в испанском языке обладает многослойной структурой, причем разные «слои» этого местоимения отражают специфику механизма референции при помощи этого местоимения. Предварительный анализ функционирования этого местоимения и его референциальных возможностей показывает наличие двух противопоставленных значений (в рамках единой формы) – это противопоставление референции к конкретному лицу, имеющему вполне определенную пространственную и временную локализацию, к лицу, не обладающему такими характеристиками. В подобных случаях

tú способно выступать и в качестве «заместителя» для первого лица, приобретая черты обобщенного значения, либо выражать идею лица неопределенного. Отметим, что для того, чтобы определить, какое из значений *tú* используется, важен общий контекст высказывания, тип высказывания, при этом особое значение приобретают характеристики пространственных и временных координат (а не сами координаты). Очевидно, что в структуре функционирования местоимения выделяются три разнообразных слоя.

Существует метод, при помощи которого можно описывать многослойные структуры слова – это метод субдукции, разработанный в теории психосистематики Г. Гийома. Говоря несколько упрощенно, слово понимается как сумма виртуальных потенций, существующих латентно и представляющих собой «веер» семантико-грамматических возможностей, которые затем, в речи, позволяют слову функционировать вполне определенным образом. Поясним эту мысль на примере.

Существующая в языке местоименная форма *que* имеет множество разнообразных семантических и грамматических значений, которые на уровне речи при употреблении в конкретном высказывании получают каждый раз единственное и конкретное значение (лексическое и грамматическое). Но это разнообразное функционирование не означает, что в языке есть несколько *que*. Понимание *que* как единства многообразия потенциальных значений дает основание предполагать, что в рамках этой единой формы содержится множество *que*, различающихся значительно как по своим грамматическим значениями, так и в сфере семантики. Мы выделяем множество значений *que*: *que* как вопросительное местоимение, как относительное, как союз и т. д. Наличие графического ударения при вопросе или восклицании связано с просодическими явлениями речевого плана, а не с семантико-синтаксическими феноменами языкового уровня. Аналогично можно рассматривать и другие местоименные формы, например, указательные местоимения *este*, *aquel*, использующиеся и как детерминативы (*este hombre*, *aquella chica*), и как самостоятельные ударные формы (*ésta me sae bien*), мы рассматриваем как единую форму.

Операция субдукции позволяет «раскрыть» внутреннюю пружину потенций на уровне языка и продемонстрировать веер речевых реализаций. Метод субдукции, с одной стороны, позволяет отразить тот факт, что в современном языке запечатлены некоторые отстоявшиеся речевые употребления, а с другой стороны, при помощи этого метода возникает возможность прогнозировать и новые употребления, и выделять устаревшие значения, вышедшие из употребления и характерные для определенного периода развития языка. Кроме того, применение этого метода дает возможность учитывать два фактора, характеризующих слово: лексико-семантическое значение и грамматическое категориальное значение. Возможность такого описания оказывается важной для нашего исследования. Особая семантическая природа местоименного слова, состоящая в наличии абстрактных компонентов и указателей дейктической природы, с одной стороны, и специфическая важность грамматических категорий, с другой, заставляет нас исследовать и описывать функционирование местоименного слова при учете этих двух взаимозависимых составляющих слова.

В работах специалистов (Ф. Толлис, Ж. Муанье, Л. М. Скредина), работающих в рамках психосистематики, применялась операция субдукции при описании местоимений. Таким образом, можно говорить о наличии традиции такого подхода к изучению внутреннего строения местоименных слов. Различным семантическим и грамматическим возможностям местоимений соответствуют скрытые слои, которые изображаются по-разному, но всякий раз обращается внимание на соответствия семантики и грамматики. Анализ соотношений между различными слоями, как на языковом, так и на речевом уровне проводится с применением методики коренного бинарного тензора.

Если пояснить образно, в чем суть субдукции, то можно вспомнить образ раскрывающегося веера, основание веера «напоминает нам о позиции языковой

единицы в системе, а раскрывающиеся грани – о контекстных значениях этой единицы» [11, с. 32].

Представляется возможным трактовать этот образ следующим образом. Языковая форма многозначна, она имеет объемный характер, в речи допускаются и прямые, и метафорические, и метонимические использования, но, однако, имеются и определенные ограничения, связанные с закрепленной системной позицией в языке.

Ф. Толлис применяет метод субдукции в своем исследовании вопросительных испанских местоимений *que, quien, cual-* и *cuant-* [20, с. 114]. На материале французского языка выделяются работы Ж. Муанье и Л. М. Скрелиной, в которых идеи субдуктивного представления местоименных форм получают развитие. Ж. Муанье рассматривает лицо, соотнося его с понятиями виртуальное/реализованное [17].

Л. М. Скрелина использует метод субдукции при описании речевого варьирования и в рамках анализа фрагмента текста, при этом автор показывает графически возможность изменения объема у местоимения *on*. Используя методiku тензорного анализа с градуированием объема значения, автор демонстрирует сужение и расширение объема значения, причем лексические значения выявляются на основе анализа контекста. Речевое использование *on* демонстрирует изменение его объема от неопределенного до единичного, причем выделяется следующая градация:

«**on₁** = часть, неопределенная по объему (=tous, n'importe qui), «все, все они»

on₂ = более определенная, некоторая часть от tous (=ils, eux)

on₃ = еще более определенная часть лиц: vous (toi+ils, eux; toi+il, lui)

on₄ = определенная часть лиц: nous (moi+toi/toi+moi)

on₅ = единичное определенное лицо: je, moi» [11, с. 39].

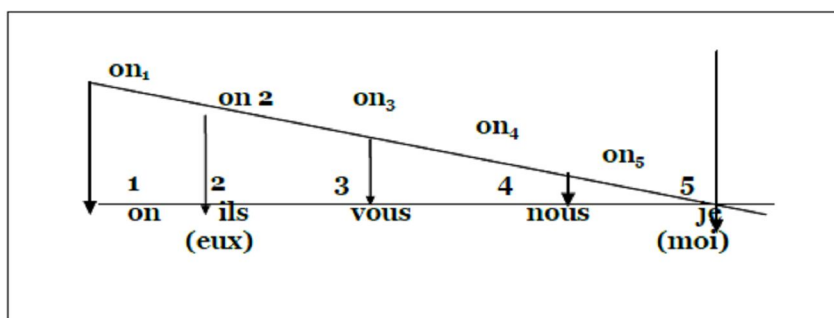

Рис. 1. Местоимение *on* (тензорный анализ) по Л. М. Скрелиной

Таким образом, можно сделать вывод о разнообразных возможностях метода субдукции. Во-первых, субдукция позволяет детально показать анализ языковых возможностей, во-вторых, метод применим при описании и анализе функционировании форм в речи. Отметим, что графическое представление хорошо демонстрирует соотношение и зависимости разнообразных семантических и грамматических составляющих. Для нашего исследования оказывается возможным использовать данный метод для описания особенностей референции местоименных форм.

В настоящей работе мы применяем метод субдукции для описания механизма референции с использованием местоименных форм, при этом мы учитываем специфику семантики и грамматики конкретного местоимения, а также референтное и нереферентное использование. Рассмотрим разнообразные референциальные

ситуации с личным местоимением *tú*. Известно, что в конкретном высказывании это местоимение может по-разному соотноситься с референтом, при этом его лексическое значение (обозначать слушающее лицо, т. е. адресата) может получать или не получать реализацию. Здесь различаются несколько ситуаций, причем важен как характер референции, так и общий контекст.

Во-первых, это местоимение может однозначно соотноситься с адресатом. Например, *Lucinio, amigo, tú también eres protagonista en este libro 'Lucinio, amigo, tú también eres protagonista en este libro' 'Лусинио, друг мой, но и ты тоже действующее лицо этой книги' (1)*. Здесь *tú* соотносится с адресатом высказывания, тем самым автор создает атмосферу дружеского общения, отметим, что в данном случае мы видим адресную индивидуальную референцию, которая создается при помощи трех элементов: (1) прямого соотнесения с адресатом высказывания на основе семантики ЛМ, (2) созданием конкретной временной координаты – настоящего момента сказывания, (3) созданием условной пространственной координаты – это условное пространство книги. Таким образом, в случае индивидуальной референции имеется лицо, локализованное во времени и пространстве.

Во-вторых, имеется возможность использования местоимения второго лица, которое не имеет в качестве референта адресата.

Hasta que te llegaba el día de hablar tú, de leer tus prosas, tus poemas, tus escritos de pensión en una de aquellas tertulias grandes o pequeñas, en uno de aquellos salones hondos y rojos, vacíos y funerarios, y entonces comprendía uno la inadecuación infinita que había entre las cuartillas tímidas escritas en la alta noche y aquella gloria convencional, escayolada y llena de huecos que nos esperaba [20: 48] 'И вот, наконец, наступал тот день, когда ты должен выступить, читать свою прозу, свои поэмы, то, что ты создал, живя в пансионе, декламировать во время тех собраний в одном из тех салонов, гулких, в красных тонах, навевающих мысли о погребении, и тогда ты понимаешь бесконечное несоответствие между скромными листочками, испещренными в полночный час и той славой, которая нас ожидала' (tú 2).

В данном фрагменте местоимение *tú* не соотносится со слушающим лицом, оно скорее относится к говорящему, его размышлениям и внутреннему состоянию. Фрагмент представляет собой воспоминания о некоторой типизированной ситуации, в которой, по всей вероятности, не раз участвовал автор повествования. На это указывает точное описание места (салона), автор приводит, словно вспоминая, и цвет, и те ощущения, которые ассоциируются у него с данным местом (*salones hondos y rojos, vacíos y funerarios*). Таким образом, описываемое пространство оказывается окрашенным личностными переживаниями говорящего индивида. Но конкретное описание места приходит в некоторое противоречие с множественным числом существительного (*salones*), что дает основание говорить о повторяющихся ситуациях, о типизированности всего описания.

Интересным оказывается то, как описывается сама ситуация, она рисуется не как нечто конкретное, произошедшее или происходящее, но как некоторое типичное положение, в котором может оказаться любой человек. (Для конкретной ситуации было бы нормативным использование форм *llegó el día, comprendió* вместо *llegaba, comprendía*, использование Imperfecto в данном случае придает действию оттенок незавершенности и повторяемости).

Отметим четкую локализацию в пространстве, с одной стороны, и специфический характер времени, имеющий оттенок нереального медленного течения. Подобное контекстуальное окружение не позволяет представить соотношение с конкретным слушающим лицом. Референт мыслится как лицо не имеющее точного обозначения, с одной стороны, и типизированное (или генерализованное), с другой. Отметим избыточность границ определенности, которая поддерживается дальнейшим контекстом, где используются местоимения *uno* и *pos*. Референтом является некоторое типичное неопределенное лицо, за которым может скрываться и говорящий, и любой другой чело-

век. В случаях описаний эмоциональных состояний можно говорить о трудности разграничения между генерализованным (обобщенным) значением и неопределенным. Исследователями отмечается стремлением говорящего представить свое личное состояние как обобщенное, типичное для всех. «И чем интимнее какое-либо переживание, чем труднее говорящему выставить его напоказ перед всеми, тем охотнее он облекает его в форму обобщения, переносящую это переживание на всех, в том числе и на слушателя, который в силу этого более захватывается повествованием, чем при чисто личной форме», писал А. М. Пешковский [7, с. 375 – 376]. Рассматривая эту проблему на материале русского языка, В.А. Белошапкина, отмечает, что «в реальных текстах не всегда четко различаются высказывания с определенно-личным и обобщенно-личным значениями. Это наталкивает на предположение о том, что, по-видимому, существует позиция нейтрализации противопоставления определенно-личности и обобщенно-личности» [2, с. 57]. В подобной ситуации однозначным можно признать отсутствие естественного и прямого указания на слушающего как референт.

Мы рассматриваем такое употребление местоимения *tú* как нереферентное, поскольку отсутствуют два основных показателя референтности: (1) отсутствует прямое соотнесение с референтом-слушающим, (2) течение времени представлено как нереальное. Мы отмечали своеобразное представление о течении времени, которое автором представляется как феномен нереальный, существующий как некое воспоминание в воображении. В случаях, связанных с описаниями внутренних эмоциональных состояний, можно говорить об элементе генерализации с тенденцией соотнесения с первым лицом.

Обращает на себя внимание факт связи между характером индивидуальной референции и контекстуальными особенностями высказывания. В высказываниях, имеющих в своей основе описания внутреннего психологического состояния говорящего, характер выражения референта может быть разнообразным: прямым (используется местоимение *yo*) и косвенным (возможно использование местоимений *tú, uno*).

В данном случае референция имеет следующие характеристики: (1) имеется соотнесение с некоторым лицом, за которым угадывается говорящий; (2) временная координата не имеет соотнесения с конкретным временным отрезком, время оказывается представленным как нечто нереальное; (3) пространственная координата выражена, имеет обобщенный характер. Хотелось бы подчеркнуть, что в данном случае для понимания высказывания важным моментом является понимание отсутствия связи с конкретной референциальной ситуацией.

В следующих примерах также отсутствует прямая связь с референтом адресатом, однако, на наш взгляд, характер референции отличается от предыдущего примера.

...Dentro de eso está la hombría: tradicionalmente era el hombre el protector a la mujer, cuando tú tienes que proteger, tú creces ... cuando tú eres responsable, cuando tú te haces responsable, tú creces ... internamente [19: 176]. 'Вот в этом и состоит мужественность: традиционно мужчина был покровителем женщины, когда ты должен поддерживать, ты растешь, когда ты принимаешь решения, ты растешь... внутренне'.

Si tú sumas la velocidad del paracaídas con la velocidad del ... del viento, vas a una velocidad equis, ¿no?. [19: 252]' Если ты складываешь скорость падения парашюта со скоростью ветра, ты получаешь некоторую скорость X, не так ли?

В данных примерах местоимение *tú* в качестве референта имеет некоторое неопределенное лицо, причем, какое именно лицо «стоит» за *tú*, не представляет интереса, поскольку описанные действия может совершать любое лицо. Здесь важен характер действия, которое осуществляется, и, поскольку речь идет о математических вычислениях, оказывается непринципиальным, кто осуществляет их, поскольку, кто бы не производил описываемые действия, результат всегда будет одинаковым. В данном случае можно произвести замену местоимения *tú* на местоимение *nosotros*,

причем смысл высказывания не изменится, референт по-прежнему будет представлен как неопределенное лицо. Отличием данных примеров от предшествующих состоит в отсутствии намека на связь с первым лицом.

Референция в данных примерах имеет следующие характеристики (далее мы показываем эти референциальные ситуации с помощью векторного анализа):

(1) местоимение второго лица не имеет соотнесения с адресатом, референтом является лицо неконкретное, неопределенное, не представляющее интереса для адресата;

(2) настоящее время не связано с моментом произнесения, оно имеет вневременной характер,

(3) пространственная координата представляется не выраженной.

При указанных условиях (конфликт между лексическим значением местоимения и референтом, находящимся в денотативном пространстве, отсутствие определённости локализации во времени) использование местоимения нами рассматривается как нереферентное. Нереферентное использование необходимо отличать от явления транспозиции.

Подводя итог, можно отметить разнообразные оттенки в использовании ЛМ $t\acute{u}$, возникающие при неререферентном использовании: от максимально неопределенного до близкого к значению первого лица.

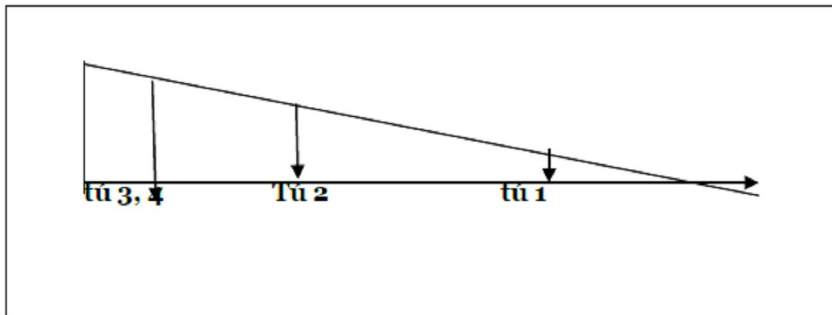

Рис. 2. Референтное и неререферентное использование местоимения

Используя метод векторного анализа, мы показываем разнообразные референциальные и неререференциальные ситуации (более подробно о методе векторного анализа см. [10]).

На рис. 2 показаны три различные ситуации. В первом случае $t\acute{u}$ имеет точечную индивидуальную референцию, при которой осуществляется референция к конкретному лицу. Во втором случае ($t\acute{u}$ 2) показана генерализованная референция, в третьем случае ($t\acute{u}$ 3, 4) отмечается неререференциальное использование местоимения.

При референции, осуществляющейся с помощью личных местоимений, субъективность проявляется в связи с обращением к категории лица. Кроме того, наблюдаются прагматические аспекты референции в связи с разнообразными способами выражения адресата.

Индивидуальный тип индексальной референции можно рассматривать в качестве наиболее яркого способа передачи субъективности, поскольку для его формирования важны следующие параметры: прагматический (известность для говорящего и слушающего), дейктический (точная локализация в пространстве и во времени), семантический (наличие определенности в семантике местоимения). Очевидно, что дейксис и прагматика представляют собой яркие способы формирования субъективного компонента высказывания. Индивидуализация является важнейшим моментом для реализации референции. Как уже отмечалось, в концептуальном

отношении индивид не тождественен пространственно-временному фрагменту как таковому во всей его целостности, само понятие индивида является результатом абстракции отождествления [6, с. 43]. В третьем случае (тú 3, 4) имеется максимальная неопределенность, поскольку не имеется конкретного референта, с которым бы соотносилось местоимение, в то время как в случае (тú 1) имеется минимальная неопределенность, поскольку имеется соотнесение с конкретным лицом – слушающим собеседником. Таким образом, выявляется три слоя в структуре этого местоимения, связанных с наличием или отсутствием определенности. При референтном использовании местоимения мы имеем идентифицирующую референцию. Для этого типа характерно служить для выделения одного объекта на фоне других представителей той же категории или множества.

В заключении отметим, что изучение индексальной референции предполагает, по крайней мере, два аспекта. Первый связан с особенностями местоимения, как слова с индексальной природой, второй предполагает анализ устойчивых референциальных и неререференциальных ситуаций, сложившихся в конкретном языке.

Список литературы

1. Аналитическая философия /Под ред. Лебедева М. В., Черняка А. З. – М.:РУДН, 2004. – 740 с.
2. Белошапкова В. А. Общность семантического наполнения нулевых позиций субъекта и объекта в русском предложении // Русский язык за рубежом. – 1987. – № 2. – С. 55 – 58.
3. Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики. – М., 1992.
4. Лайонз Лайонз Дж. Лингвистическая семантика. Введение. – М.: Языки славянской культуры, 2003 – 397 с.
5. Локк Д. Опыт о человеческом разуме // Сочинения в 3-х т. – М.: Мысль, 1985, т. 3. – 560 с.
6. Переверзев К. А. Логистика. Справочная книга по логике. – М.: Мысль, 1995. – 264 с.
7. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. – М.: Учпедгиз, 1956. – 512 с.
8. Пирс Ч. С. Элементы логики // Семиотика. – М.: Радуга, 1983. – С. 151 – 210.
9. Рассел Б. Человеческое познание. Его сфера и границы. – М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1957. – 555 с.
10. Скредина Л. М. Школа Гийома : психосистематика. – М.: Высшая школа, 2009. – 367 с.
11. Скредина Л. М. Лекции по теоретической грамматике французского языка. – СПб.: Министерство общего и профессионального образования РФ, 1997. – 95 с.
12. Степанов Ю. С. Язык и метод. К современной философии языка. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 779 с.
13. Тарский А. Введение в логику и методологию дедуктивных наук / Пер. с англ., М. 1948. – 325 с.
14. Хинтиikka Я. Логика и методология науки. – М.: Прогресс, 1980. – 234 с.
15. Шмелёв А. Д. Русский язык и внеязыковая действительность. М., 2002.
16. Fumagalli A. La semiotica di Peirce // Acta Philosophica, 1993 (2). – P. 261 – 280.
17. Moignet G. Le système du paradigme qui / que /quoi. // Travaux de linguistique et de littérature. – Strasbourg, 1967. T. 5. № 1. – P. 75 – 95.
18. Montague R. Formal philosophy: Selected papers / Ed. By R. H. Thomason. N. H.; L.: Yale UP, 1974.
19. Pierce C. S. Logical Foundations of the theory of Signs. – Harvard Univ. press, dover publications, inc. 1958, – 376 p.
20. Tollis F. Étude différentielle de que, quien, cual et cuantiinterrogatifs en espagnol: étude psychomécanique. – Berne : Ed. Peter Lang, S.A. – 1988. – 284 p.

Список источников

21. El habla culta de Caracas. Materiales para su estudio.- Caracas: Instituto de Filología Andrés Bello, 1979. – 666 p.
22. Umbral F. Retrato de un joven malvado.- Barcelona : Destino, 1977. – 317 p.

INDEXICAL REFERENCE (ON THE MATERIAL OF THE SPANISH LANGUAGE).**E. V. Yakovleva**

*Herzen
State
pedagogical
University of
Russia, St. Peterburg*

*e-mail:
el-vl-yakovleva@yandex.ru*

The article describes the indexical reference types in connection with the grammatical properties of pronouns. The explanatory power of the methods of vector analysis of G. Guillaume with respect to referential situations is carried out.

Key words: Theory of Reference, Theory of G. Guillaume, indexical reference, vector analysis.